

Кадимов Руслан Гаджимурадович, Асельдерова Руманият Омаровна

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА МАСДАРООБРАЗУЮЩИХ ФОРМАНТОВ АВАРСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

В статье предпринята попытка реконструкции исторической памяти масдарообразующих формантов аварского языка в сравнительном освещении. Утверждается, что масдарообразующие аффиксы исторически имеют значение гномического бытия. Эти словообразующие компоненты присоединяются как к глагольной, так и именной основе. Приводятся аргументы в пользу двух масдаров в аварском языке - отглагольного и отыменного. Реконструкция исторической памяти масдарообразующих формантов аварского языка осуществляется посредством сравнения этих морфем как с диалектными данными самого аварского языка, так и в корреляции с материалами других дагестанских языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 113-118. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8.81

В статье предпринята попытка реконструкции исторической памяти масдарообразующих формантов аварского языка в сравнительном освещении. Утверждается, что масдарообразующие аффиксы исторически имеют значение гномического бытия. Эти словообразующие компоненты присоединяются как к глагольной, так и именной основе. Приводятся аргументы в пользу двух масдаров в аварском языке – отглагольного и отыменного. Реконструкция исторической памяти масдарообразующих формантов аварского языка осуществляется посредством сравнения этих морфем как с диалектными данными самого аварского языка, так и в корреляции с материалами других дагестанских языков.

Ключевые слова и фразы: историческая память слова; реконструкция; отглагольный масдар; структура; внутренняя форма; сравнение; анализ; композиционная семантика.

Кадимов Руслан Гаджимурадович, д. филол. н., профессор
 Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала
 ruslankadimov@mail.ru

Асельдерова Руманият Омаровна, к. филол. н., доцент
 Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала
 Дагестанский институт развития образования, г. Махачкала
 rumotarovna@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА МАСДАРООБРАЗУЮЩИХ ФОРМАНТОВ АВАРСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Проблемы масдара находили определённое освещение уже в ранних исследованиях аварского языка. Последующие работы, в которых затрагивались вопросы масдара, вносили определённые уточнения и дополнения, углубленное и расширенное познание о природе и функциональных особенностях этого языкового феномена. Однако современная аварская лингвистика неоднозначно толкует как морфологию, так и системные связи отглагольного имени действия. В данной статье мы изложим своё понимание вопроса на основе критического анализа доступных нам работ, посвящённых затронутой проблеме, с упором на семантическую экспликацию масдарообразующих формантов.

Вопросы масдара наиболее полно и на основе критического анализа описаны в работе З. М. Маллаевой «Глагол аварского языка» [15]. В статье отмечены моменты, совпадающие с взглядами авароведов или противоречащие тезисам других исследователей аварского языка.

Так, общим для исследователей является признание у аварского масдара глагольных категориальных признаков: грамматического класса, числа, вида, отрицания и каузатива.

В качестве иллюстративного материала З. М. Маллаева приводит нижеследующие масдарные формы глагола: *ворчлизе* «проспать, проснуться», *ворчли* – масдар:

- а) грамматические классы – *ворчли* (I гр. класс), *йорчли* (II гр. класс), *борчли* (III гр. класс);
- б) число – *ворчли*, *йорчли*, *борчли* – ед. число, *рорчли* – мн. число;
- в) вид – *ворчли* (обычный) – *ворчлари* (длительный); *йорчли* – *йорчлари*; *борчли* – *борчлари*, *рорчли* – *рорчлари*;
- г) отрицание – *ворчлунгутли* – *йорчлунгутли* – *борчлунгутли* – *рорчлунгутли*;
- д) каузатив – *ворчлизави* – *йорчлизайи* – *борчлизави* – *рорчлизари*.

Эти категориальные признаки масдара в иллюстрации на материале З. М. Маллаевой [Там же, с. 296], равно как и переходный / непереходный характер и отсутствие категории времени как единицы языка в аварском языке, общепризнаны.

Определённые разногласия существуют относительно склонения масдара. С одной стороны, масдар в аспекте склонения идентифицируется с существительным [14, с. 107], что справедливо. Однако, как справедливо отмечает З. М. Маллаева, в морфологии масдара классные показатели – это категория грамматического класса, а в именном словоизменении классные показатели – семантические маркеры [15, с. 199].

Спорным остаётся проблема двух масдаров аварского языка – именного и глагольного. Дело в том, что в аварском языке масдар может образоваться и непосредственно от именной лексемы (ср. *тлурш* «росток», *тлурш-и* «прорастание») посредством деривационных аффиксов *-и*, *-ин*. Разумеется, именное образование такого типа должно быть описано другим термином. Такое образование, скорее всего, должно получить статус «именной масдар», в отличие от термина «глагольный масдар» [26, с. 31].

Причём это уникальное явление в системе аварского языка [Там же], отличающее аварский язык «от всех, без исключения, дагестанских языков» [4, с. 130], воспринимают не все исследователи аварского языка. Аргументы оппонентов сводятся к следующему:

1. Во-первых, сами словосочетания «именной масдар» и «глагольный масдар» вызывают недоумение, поскольку масдар – это имя действия. Термин «масдар», заимствованный из арабского языка, как известно, обозначает в последнем не просто имя действия, а отглагольное имя действия [15, с. 306].

В аварском языке производящей основой масдара выступает не только собственно глагол, но и, как отмечено С. М. Хайдаковым, именная лексема. И, поскольку этимологическое значение масдара «источник» в заимствующем языке утрачено, обозначение словосочетаниями «именной масдар» для вербализации имени действия, производного от именной основы, термином «именной масдар», а производного от глагола – «глагольный масдар» вполне приемлемо. Почему термины «именной масдар» и «глагольный масдар», указывающие на мотивацию обозначаемых ментефактов, должны вызывать недоумение?

2. Во-вторых, без соответствующего этимологического анализа слов *mlurui* «росток», *mlurui-u* «прорастание», *mlu* «солод – проросшее зерно» трудно однозначно утверждать, что первично, а что вторично, но как же быть тогда с такими случаями, как *цлцлали* «учёба, чтение» – *цлцлализе* «читать, учиться»; *хъвади* «хождение» – *хъвадизе* «ходить», где представлены те же аффиксы и тот же словообразовательный ряд [Там же, с. 306-307] (имеются в виду масдарообразовательные аффиксы *-и*, *-ин* и словообразовательный ряд типа *гъиз* «грязь» – *гъиз-ин* «загрязненный» – *гъизине* «грязнеть»).

Наше обращение к словарному составу аварского языка позволяет иллюстрировать первичность имени по отношению к масдару в ряду «имя – масдар – целевая форма». Наиболее показательны в этом плане заимствования, ср., например, арабизмы и их производные масдара в аварском языке:

ahirun «конец» < *axip* «конец, окончание» > *axip-u* «обрезка», *axirize* «закончить, обрезать»; *qatun* «кусок» < *къотI-и* «резание, обрезка», *къотлизе* «обрезать»; лезгинские слова – *къл* «горб», *къул* «нога, талец»; аварские слова – *къул-и* «стиг, поклон», *къулизе* «стигать, кланяться, горбиться», *къур-и* «верчение», *къуризе* «крутить, вращать».

3. «И потом именная основа – это не то же самое, что и основа имени существительного. Понятие именной основы несколько шире, сюда входят также основы прилагательных, наречия, числительных, от которых также могут быть образованы глаголы, например:

эххеде «наверх» соотносится с глаголом *эххетизе* «стоять вертикально» – масдар *эххети*;
хладур «готово» – *хладуризе* «подготовиться» – *хладури* «подготовливание»;
беглер «остро» – *беглеризе* «заострить» – *беглери* «заостривание»;
баглар «красно» – *багларизе* «нагреть» – *баглари* «нагревание»;
гледер «быстро» – *гледеглизе* «спешить» – *гледегли* «спешка».

Хотя говорить о первичности той или иной части речи без соответствующего этимологического анализа вряд ли оправдано. Целесообразнее было бы здесь говорить о наличии общих основ» [Там же, с. 307]. Именная основа – это не то же самое, что и основа имени существительного. Понятие именной основы несколько шире, сюда входят также основы прилагательных, наречий, числительных, от которых также могут быть образованы глаголы. С. М. Хайдаков не говорит о том, что масдар образуется только от имени существительного, он утверждает: «...масдар может образоваться также непосредственно от именной лексемы» [26, с. 31], хотя иллюстрирует сказанное именами существительными. В то же время вышеприведённый иллюстративный материал свидетельствует о развитии имя – масдар – глагол. Для цепочки *хладур* «готово» – *хладуризе* «готовиться» – *хладури* «подготовливание», точнее *хладур* – *хладури* – *хладуризе*, ср.: персидское *haser*, лезгинское *гъазур* «готовый», табасаранское *гъаъзур* «готовый», аварское *хладур* «готово» – *хладури* «подготовливание» – *хладуризе* «подготовливание» [22, с. 56].

Персидское *баглар* «красивый», аварское «красный цвет» – *баглари* «нагревание» – *багларизе* «греться, нагреваться».

В этот производный от наречия ряд естественно вписываются и *беглер* «остро» – *беглери* «заострение» – *беглеризе* «заострить»; *гледегI* «быстро» – *гледегли* «спешка» – *гледеглизе* «спешить» (примеры составлены авторами статьи. – *Р. К., Р. А.*)

Поэтому считаем, что в относительной хронологии имеем: именная лексема – именной масдар – глагол, о чём свидетельствует более широкая морфология производных от производящего.

В случае *эххеде* «вверх» – *эххети* «стояние вертикально» – *эххетизе* «стоять вертикально» – (*эххе*)-де адвербиализованное существительное в местном 1 падеже второй серии со значением направления – *эххе-ти* «стояние вертикально», где *-ти* масдарообразующая морфема. Следовательно, имеем относительную хронологию: *эххе* – *эххе-ти* – *эххе-ти-зе*, что свидетельствует о первичности формы *эхх-* и далее *эххети* – *эххетизе*. Сказанное подтверждается и тем, что «масдар служит производящей основой для инфинитива» [12, с. 107].

Общеизвестный разнобой в определении формантов масдара аварского языка удачно выразила З. М. Маллаева: «...сколько исследователей аварского языка, столько и мнений о формантах масдара» [15, с. 308].

М. Саидов выделяет следующие масдарообразующие форманты:

-и – *ччукIи* «сдирание» (*ччуклизе* «сдирать»); *-ин* – *ретIин* «одевание» (*ретIине* «одевать»); *-ай* – *хъвай* «написание» (*хъвазе* «писать»); *-ой* – *сорой* «дрожь» (*сорозе* «дрожать»); *-уй* – *ччуй* «обмакивание» (*ччузе* «макать»); *-ей* – *къей* «отдача» (*къезе* «отдавать») [21, с. 387].

Из этого количества аффиксов истинными суффиксами масдаров, по мнению З. М. Маллаевой, являются *-н* и *-й* [15, с. 387]. В качестве аргументов приводятся утверждения о том, что послекорневые гласные: *-и* – *ччукI-(и)*; *-н* – *ретI-и-(и)*; *-а* – *хъв-а-(й)*; *-о* – *сор-о-(й)*; *-у* – *ччу-(й)*; *-е* – *лъ-е-(й)*, – есть тематические гласные, оформляющие основу инфинитива [Там же, с. 308]. Но производящей основой инфинитива является масдар [12, с. 107]. Следовательно, послекорневые гласные не являются тематическими гласными, это вокалы, которые этимологически сопровождают корневые согласные и могут варьировать от формы к форме и от одного гласного к другому [23, с. 324-325]. К тому же без гласного компонента корневой согласный исторически не может быть коммуникативной единицей в силу своей недистантности [1, с. 166].

Из сказанного следует, что в случае масдарной модели *ччукли* гласный *и* является масдарообразующим формантом, а *ччукл-* – именной основой, ср. аварское *ччукли* «сдирание, снятие (шкуры)» и лезгинское, табасаранское *члукл* «отрез, кусок, доля»; *члуклар авун* «куски, отрезки делать, разрезать на мелкие части», табасаранское *члук аНуб* «отрез, кусок делать, разрезать на мелкие части», лакское *члану* «козлёнок» (примеры составлены авторами статьи. – Р. К., Р. А.).

Таким образом, правомерным представляется выделение суффикса *-и* как масдарообразующего форманта. Такого мнения придерживается абсолютное большинство языковедов, например [14, с. 107].

В случаях масдарообразования типа *кьолой* «седловка», *цлорой* «холод, мороз» производящей является косвенная основа существительного, ср.: *кьили* «седло» – *кьоло* – (косвенная основа) – *кьолой* (масдар), *цлер* «лёд» – *цлоро* (косвенная основа) – *цлорой* (масдар) [12, с. 118].

Ср. также: *квен* «пища, еда» – *квана* (косвенная основа) – *квана-й* (масдар) «еда, питьё». Причём морфема *-й* должна быть производной от *-йи*, ср. реконструкции архетипов, по Ш. И. Михайлову (знак снежинка использован для указания на реконструируемые формы или значения): **тере-йи-зе* – *тере-й* – *терезе* «вертеться»; **квана-йи-зе* – *квана-й* – *кваназе* «есть, кушать»; **кьоло-йи-зе* – *кьоло-й* – *кьолозе* «сесть» [16, с. 70].

Однако, поскольку масдар считается производящей основой, развитие должно быть следующим: **тере-йи* > *тере-й* – *терезе*. Но постулат первичности масдара по отношению к инфинитиву справедлив в случае именной производящей основы или глаголов на *-зе* «более 4/5 целевых форм глагола» [15, с. 291]. Однако этот тезис не совсем удовлетворителен по отношению к глаголам типа *бачлине*, где масдаром является *-бачлин*, а масдарообразующий компонент *-ин* или *-н*. Морфема *-ин* в качестве масдарообразующего форманта неприемлема, поскольку *-и(н)* является гласным, который сопутствует корневому согласному (*ба*)-*чли-н*.

Дело в том, что масдарообразующие форманты аварского языка, равно как и суффиксы целевых форм, исторически имели значение «есть имеется» [2, с. 22-25], т.е. значение бытия. Так, в морфологии масдара *кьвагь-и* «поджаривание» от существительного *кьвагь* «выжарки, шкварки» компонент *-и* имеет значение «есть, имеется», т.е. «бытия». Следовательно, единение смыслов *кьвагь* «выжарки, шкварки» + *и* «бытие» рождает, по выражению Л. В. Щербы, новый смысл [28, с. 301] – «поджарка, поджаривание», т.е. придаёт существительному грамматическое значение процессуальности, трансформируя его в масдар. В случае масдара в слове (*ба*)-*чли-н* конечный согласный *-н*, исторически не будучи коммуникативной единицей в отсутствие сопутствующего гласного, не может быть масдарообразующим формантом.

Следовательно, первичной должна быть форма на «*-н* + гласный», в нашем случае (*ба*)-*чли-не* – целевая форма, в структуре которой *-не* имеет значение, идентичное *-зе* (в южных говорах аварского языка не различают целевых норм *зе/не* [15, с. 292]). Следовательно, допустимо образование масдара от инфинитива *бачлине* > *бачлин*. Устранение гласного компонента в структуре целевой формы на *-не* – *буклине* «быть» – *буклин* «бытие» способствует возникновению в *буклин* именных признаков.

Мысль о том, что масдар на *-н* произведён от целевой формы, была высказана ещё П. К. Усларом: «...отглагольное существительное в глаголах на *-не* производится через отбрасывание *-е*, например: *ине* “уйти” – *ин* “ухожение”, *бергьине* “победить” – *бергьин* “победа”» [24, с. 178]. Но почему конечный гласный отбрасывается и каким образом семантика целевой формы на *-не* преобразуется в значение процессуальности, обозначаемого масдаром, производным от инфинитива? Ответ напрашивается из сравнения аварских и лезгинских словоформ глагола со значением «делать».

Таблица. Сравнение словоформ глагола со значением «делать»

	Аварские слова	Лезгинские слова	Табасаранские слова
Целевая форма	<i>гьа-(би)-зе</i>	<i>*а-(йи)-зе > и-(йи)-з</i>	<i>*а-(нly)-зе > а-(нly)-з</i>
	<i>гьа-(ви)-зе</i>		
	<i>гьа-(йи)-зе</i>		
Перфект	<i>гьа-ву-на</i>	<i>а-ву-на</i>	<i>гьа-нly-ну</i>
Масдар	<i>гьаби</i>	<i>авун</i>	<i>а-нly-б</i>

В морфологии приведённых словоформ инфиксальные слоги *-би-*, *-ви-*, *-йи-* – элементарная предикация со значением «бытие», где согласные – классные показатели, ср. дарг. *би*, *ви*, *ди* «есть, имеется» хайдакского диалекта даргинского языка, *би*, *ви*, *ди* и «есть, имеется» арчинского языка [26, с. 20], *и-(йи)* «есть» крызского [20, с. 632], *и-(да)* «есть» ботлихского [9, с. 293], *йи-(и)* «есть» рутульского [10, с. 587]. Первые слоги *гьа-* также должны иметь значения «есть, имеется», ср. *а* «есть, имеется» в лезгинском [8, с. 101]. Однако в случае лезгинских языков согласный компонент (*гь*)-*а* исчез. В табасаранском языке *гьа* «есть, находится, имеется», *пул гьа-йи увухь* «деньги есть (сейчас) у тебя». Суффиксальный компонент *-зе(з)* < **зе* также имеет значение бытия [2, с. 25]. Таким образом, семема «делать» в нашем случае состоит из суммы смыслов «есть + есть + есть» с трансформацией бытия в действие [Там же, с. 36].

В случае перфекта авар. *гьа-бу-на*, лезг. *а-ву-на* – «есть предмет, есть как результат» с трансформацией в «сделал», ибо бытие предмета кем-либо есть его делание [Там же]. Ср. табасаранский недостаточный глагол *ву* «есть», крызские *ув*, *йив* [20, с. 627], цезский *зе-ув-а* «быть» [6, с. 412], рутульский *вод*, *воб*, *вор* «быть» [10, с. 580], *бу-з* «есть» удинского [19, с. 682], *бур*, *дур*, *ур* лакского [17, с. 500] языков.

Но каким образом устранение конечного *-а* в *а-(ву)-на* > *а-(ву)-н*, т.е. преобразование перфекта в масдар, должно быть усвоено этническим сознанием носителей языка? Самопонятность *а(ву)на* «сделал» > *а(ву)н*

«делание» могло иметь место, если в лезгинском этническом сознании существовали (в нашем случае) две формы со значением «есть, имеется»: *a* и *-на* «есть, имеется».

И тогда устранение конечного *-a* «есть, имеется» в структуре *a(ву)на* «сделал» и обуславливает новое слово *авун* «делание», в котором устраняется значение предикативности и возникновение потенциальных именных признаков при сохранении глагольных за исключением предикативности как единицы языка. Таким образом, форма прошедшего времени преобразуется в масдар.

С транспозицией лексемы *-на* «есть, имеется» в разряд морфем и её десемантизацией как единицы языка и сохранением *a*, употребительного ещё в гелхенском говоре лезгинского языка *a-ву-на* «сделал» стало восприниматься как *авун-а* «делание + есть (как результат) + сделал».

Для морфемы на «есть, имеется» *во-на*, *бо-на* «есть» в южноаварских говорах [16, с. 80-88].

В номенклатуру масдарообразующих формантов входит и морфема *-лѝи* [3], которая образует и абстрактное имя существительное. Разница между масдаром на *-лѝи* и абстрактным существительным на *-лѝи* заключается в постановке ударения: если ударение падает на основу, речь идёт об абстрактном имени, если на *-лѝи* – то это масдар [15, с. 312]. При этом З. М. Маллаева считает, что в структуре *-лѝи* согласный компонент является деривационным суффиксом, а гласный – масдарообразующим формантом, например: *лѝиклѝи* «доброта» (абстрактное существительное) *лѝиклѝи* «улучшение» (масдар) [Там же, с. 312-313]. Однако, на наш взгляд, дело обстоит несколько иначе: принимая во внимание развитие *лѝикл* «хорошо» – *лѝиклѝи* «улучшение» – *лѝиклѝи* «доброта» < – *лѝиклѝизе* «улучшаться», следует считать второе производное (*лѝикл*) – *лѝиклѝи* масдаром, а третье производное (*лѝикл* – *лѝиклѝи*) – *лѝиклѝи* «доброта» масдаром, который перешёл в разряд существительных. Поэтому более точным будет развитие *лѝикл* «хорошо» → *лѝиклѝи* «улучшение» → *лѝиклѝи* «доброта» → *лѝиклѝизе* «улучшаться», т.е. первичным является масдар, а не наоборот: *лѝиклѝи* «доброта» – *лѝиклѝи* «улучшение», как это полагает З. М. Маллаева. Причём согласный компонент в структуре *-лѝи* считается деривационным суффиксом, а гласный – масдарообразующим суффиксом [Там же]. С предложенным морфологическим членением *лѝи-и* (деривационный суффикс + масдарообразующий формант) трудно согласиться без семантического анализа инфинитива (*лѝиклѝи-зе*). В морфологии компонента – *лѝи-зе* первый компонент *лѝи-* имеет значение «бытие, есть, имеется», ср.: *го-лѝа* «быть» и *го-лѝ* «есть» цезского языка. Звукосоответствие *лѝи* цезского и *лѝ* аварского языков закономерно [22, с. 57]. Следовательно, компонент *лѝизе* в морфологии (*лѝикл*)-*лѝизе* имеет значение «быть». В таком случае имеем композит *лѝикл* «хорошо» – *лѝизе* «быть» > («хорошо быть» – «улучшаться»). Следовательно, в морфологии *лѝи* согласный компонент – носитель лексического значения бытия, а гласный *-и-* сопутствует согласному, и вместе они передают значение «бытие, есть, имеется». Таким образом, *лѝиклѝи* – это «хорошо бытие > улучшение (масдар)» и *лѝи* – масдарообразующий суффикс. Однако формы *на-лѝи* могут быть масдаром или абстрактным именем ситуативно.

В предложенную модель «имя + *лѝи* > масдар > *-зе*» вписываются и другие глаголы на *-зе*, производные от имён, ср.: *хех* «быстро» – *хехлѝи* «убыстрение» – *хехлѝизе* «убыстрять» – *хехлѝи* «быстрота»; *квеш* «плохо» – *квешлѝи* «ухудшение» – *квешлѝизе* «ухудшаться» – *квешлѝи* «вредность»; *гьодор* «пусто» – *гьодорлѝи* «пустота» – *гьодорлѝизе* «опустошать» – *гьодорлѝи* «опустошение».

Аналогично *лѝи-зе* в функции формантов сложных слов выступают и сложные морфемы – *дизе*, *цизе*, *гьизе*, *ххине*, *хизе*, *клизе* и т.д.:

* *дизе* «быть» – *кьур-ди-зе* «танцевать» – *кьур-ди* (масдар, абстрактное имя) – *кьур* (именная основа) – «нога». Ср.: лезг. *кьуьл* «нога, танец», *кьур* «нога». В структуре *ди-зе* первый слог *ди-* должен иметь значение «бытие, есть, имеется». Ср.: агул. *да-(ва)* «не есть» [13, с. 120]; лезг. *да* «есть» (отдельно не употребляется) [8, с. 87]; таб. *да-р* «не есть»; крызский *да-р*, *да-б* «не есть» [20, с. 627]. Следовательно, *кьур* «нога» – *кьур-ди* (масдар) «танец» – *кьур-ди-зе* «танцевать»;

* *цизе* «быть», ср. таб. *шуз* «быть», следовательно, *тлур-ци-зе*, где *тлур* «росток» – *тлур-ци* (росток бытие – прорастание) – *тлур-ци-зе* «прорасти»;

* *гьизе* «быть», ср. бежит. *зо-гьа-л* «быть» – *зо-гь-на* «был» [7, с. 464]; *зван* «звон» – *зван-гьи* «звон бытие – действие, процесс» > *звангьи-зе* «звон быть – звенеть»;

хизе «быть», ср. *ихв* «не есть» чамалинского языка [11, с. 384], звукосоответствие чамалинского *х* и аварского *х* закономерно [22, с. 54];

* *ххине* «быть», ср. чамалинское *ихв* [11, с. 384]. Следовательно, *пири* «молния» > *пирххине* «блеснуть» – *пирххин* «блеск бытие – вспыхивание». Эта номенклатура дополняется масдарообразующими суффиксами: *-цин*, *-чин*, *-ччин*, *-глай*, *-кин*, *-ккин*, *-кки*, *-тлѝи*, *-ки*;

* *хлизе* «быть», ср. *члѝурхлизе* «обжигаться» – *члѝур-хли* (масдар) «ожог, обжигание». Ср.: дарг. (ураринский говор) – *хлеб* «есть» (информант Алаев Нусши 22 года, студент института «Юждаг», г. Дербент);

* *клизе* – *члѝликлизе* «лизать» – *члѝликли* «лизание». Ср.: *бу-кли-не* «быть»; *гьесизе* «иметь намерение, намеряться» – *гьеси* (масдар) «намерение», ср. дарг. *сай* «есть», анд. *ссу* «не есть» [27, с. 289]; *члѝнкъизе* «отламываться» – *члѝнкъи* «отламывание» (ср. гунзибский *закъа* «быть» – *зу-кьур-ри* «был ли») [6, с. 404] и, следовательно, *закъа* «быть» < **къаза*; *члѝхъезе*, где *члѝ* «пустой», ср. лезг. и таб. *ичли* «пустой»; *хъезе* «быть», ср. таб. *хьиди* «будет». Следовательно, *члѝ* «пустой» > *члѝхъе* > *ичи* > *члѝхъей* (масдар) – *члѝхъезе* «опустошаться»; *члѝнкъизе*, *члѝн* «шорох»; *хъизе* «быть», ср. гунзибский *бахъа* «становиться» [Там же, с. 405] и, следовательно, *чин-хъи* «шорох бытие – шуршание».

В сознании носителей аварского языка концептуально должны существовать масдары типа – *хин* < *хине*, *чин* < *чине*, *гьин* < *гьине*, *цин* < *цине* (ср. *цай* «есть» ураринского говора даргинского и *сай* «есть» даргинского литературного языка). Поэтому вполне естественно принимать масдарообразования типа *хлал* «сила,

состояние» – *хлала* + *кин* «нетерпение, спешка» – *хлали* + *гъин* «бурное прорастание» – *хлалу* + *цин* «перенапряжение»; *члала-хин* «распорки на полоски» и т.д. как исторические словосложения. В морфологии цитированных примеров именные компоненты – это словоформы соответствующих существительных.

Таким образом, принципиальное отличие масдара аварского языка от масдаров других дагестанских языков не только в наличии как отглагольных, так и отымённых масдаров, но и в многообразии образующих эту отымённую и отглагольную форму аффиксов. Эти два признака отличают масдар аварского языка от масдара даргинского языка, в котором один масдарообразующий формант [18, с. 137], лезгинского, в котором этот языковой феномен унифицирован морфемой *-н*, равно как *-б* табасаранского языка.

На уровне говоров северного наречия аварского языка выделяются следующие суффиксы масдара: *-и*, *-й* ...*о* (ноль звука), формы масдара без специального показателя являются одновременно и формами повелительного наклонения. Сказанное, однако, релевантно и для аварского литературного языка, например: *гелечI* «период половой активности у некоторых животных» («течка» у самок), *гелечIлине* «быть в состоянии половой активности» (о животных), «быть в течке» (о самках) [21, с. 706]. В рассматриваемом случае имеем *гелечIлине* > **гелечIлин* > **гелечIли* > *гелечI*. Сокращение **гелечIлин* > *гелечI* обусловлено, на наш взгляд, омонимичностью императива **гелечI(и)* и масдарной формы **гелечIли(н)* и усилением ударного слога *гелечI* в повелительном наклонении. Затем по аналогии сокращается и количество масдара **гелечIлин* > *гелечI*. В словосложении *гел* «возраст» + *чIлине* «становление, бытие» (ср. *чIчIлезе* «останавливать, остановиться») налицо единение смыслов *гел* «возраст» + *чIлине* «становление», и образует композит *гелечIлине*, в семантике которого отражается ситуация готовности к воспроизводству себе подобных, при котором рост останавливается в пользу деторождения и, следовательно, половой активности.

Этимологическая семантика аффиксов масдара (семема «бытие») утрачена в современных дагестанских языках. Однако на уровне формирования этой языковой категории семантика «бытие» масдарообразующих аффиксов должна была быть эксплицитной, равно как и основы масдара, это обуславливает самопонятность данного феномена. При всём разнообразии аффиксов аварского языка модель масдарообразования предполагает две схемы:

- 1) именная / глагольная основа + аффикс в значении «бытие»;
- 2) целевая форма на *-не* минус гласный *-е*, что приводит к появлению у производной формы именных признаков, обуславливающих трансформацию глагола в масдар – единство именных и глагольных признаков при утрате грамматического значения предикативности в структуре производной единицы.

Список источников

1. Абдуллаев И. Ш. Введение в генетику дагестанских языков. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1999. 176 с.
2. Абдуллаев И. Ш. Действие как бытие ситуации. К проблеме этимологической семантики компонентной структуры дагестанского глагола. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. 42 с.
3. Абдуллаев М. А., Сулейманов Я. Г. Аварский литературный язык: учебник для педучилищ. Махачкала: Дагучпедгиз, 1965. 253 с.
4. Атаев Б. М. К вопросу о типах масдара в аварском языке: отглагольные образования в иберийско-кавказских языках // Отглагольные образования в иберийско-кавказских языках: материалы XII региональной научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков (21–23 сентября 1989 г.). Черкесск: Карачаево-Черкесский орден «Знак Почета» научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1989. С. 130–132.
5. Бокарев Е. А. Материалы к словарю гунизского языка // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.: Советская энциклопедия, 1961. С. 147–182.
6. Бокарев Е. А. Цезский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 404–420.
7. Бокарев Е. А., Мадиева Г. И. Бежитинский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 455–471.
8. Гайдаров Р. И. Ахтынский диалект лезгинского языка. По данным сел. Ахты. Махачкала: Дагучпедгиз, 1961. 166 с.
9. Гудава Т. Е. Ботлихский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 293–306.
10. Джейранишвили Е. Ф. Рутульский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 580–591.
11. Магомедбекова З. И. Чамалинский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 384–399.
12. Магомедов М. И., Алиханов С. З. Словообразование в аварском языке. Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. 214 с.
13. Магомедов А. А. Агульский язык. Исследования и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 242 с.
14. Мадиева Г. И. Морфология аварского языка. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1980. 160 с.
15. Маллаева З. М. Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Махачкала: ДНЦ РАН, 2007. 392 с.
16. Микаилов Ш. И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1964. 171 с.
17. Муркелинский Г. Б. Лакский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 488–507.
18. Омаров А. А. Проблема масдара в арабском и дагестанском языкознании // Дагестанский восточнокавказский сборник. Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. Вып. I. С. 137–145.
19. Панчвидзе В. Н., Джейранишвили Е. Ф. Удинский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 676–688.
20. Саадиев Ш. М. Крызский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 627–642.
21. Саидов М. Краткий грамматический очерк аварского языка: аварско-русский словарь. М.: Наука, 1967. 806 с.

22. **Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков** (СИЛДЯ). М.: Наука, 1971. 296 с.
23. **Трубецкой Н. С.** Заметки о глагольных показателях в чечено-лезгинских (восточнокавказских) языках // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 324-337.
24. **Услар П. К.** Этнография Кавказа. Языкознание: в 8-ми т. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1889. Т. III. Аварский язык. 295 с.
25. **Хайдаков С. М.** Арчинский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 608-626.
26. **Хайдаков С. М.** Система глагола в дагестанских языках. М.: Наука, 1975. 276 с.
27. **Церцвадзе И. И.** Андийский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 276-292.
28. **Щерба Л. В.** О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях: в 2-х ч. М.: Просвещение, 1960. Ч. 2. С. 301-312.

HISTORICAL SEMANTICS OF MASDAR-FORMING FORMANTS OF THE AVAR LANGUAGE IN COMPARATIVE INTERPRETATION

Kadimov Ruslan Gadzhimuradovich, Doctor in Philology, Professor
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
ruslankadimov@mail.ru

Asel'derova Rumaniyat Omarovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
Dagestan Institute of Education Development, Makhachkala
rumomarovna@mail.ru

The article attempts to reconstruct the historical memory of the masdar-forming formants of the Avar language in comparative interpretation. It is stated that masdar-forming affixes historically have the meaning of gnomic being. These word-formative components are attached to both verbal and nominal bases. Arguments are given in favor of two masdars in the Avar language – the verbal and the nominal ones. The reconstruction of the historical memory of the masdar-forming formants of the Avar language is carried out by comparing these morphemes with both the dialectal data of the Avar language itself and in correlation with the materials of other Dagestani languages.

Key words and phrases: historical memory of word; reconstruction; verbal masdar; structure; internal form; comparison; analysis; compositional semantics.

УДК 81'367.624

В статье представлено описание двукорневых наречий, образованных от сложных имен прилагательных, с точки зрения их структурно-деривационных связей в современном русском языке. Выявлены сходства и различия в образовании данных наречий. Их сходство обеспечивается грамматическим единством производящих слов (прилагательных), аффиксальным образованием, спецификой словообразовательного значения, вовлеченностью в два словообразовательных гнезда. Деривационная неоднородность двукорневых наречий проявляется в различиях на уровне ступени производности, способа и типа словообразования.

Ключевые слова и фразы: русский язык; двукорневое наречие; сложное прилагательное; структурно-деривационные связи; способ словообразования; ступень производности.

Киреева Екатерина Николаевна

Коняева Наталья Алексеевна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск
petrachenko.n@yandex.ru

СТРУКТУРНО-ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДВУКОРНЕВЫХ НАРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Система двукорневых наречий, представленная в русском языке значительным количеством единиц, имеет сложное устройство и нуждается в целостном лингвистическом описании. Его необходимой частью является характеристика структурно-деривационных связей такого рода наречий, что и составляет предмет данной статьи. Объектом целенаправленного исследования служат наречия, образованные от сложных прилагательных по продуктивным моделям словопроизводства и имеющие двукорневую основу, такие как *всемирно*, *восторженно*, *доброжелательно*, *душещипательно*, *идолопоклоннически*, *самодовольно* и др.

Следует отметить, что изучаемые наречия не являются собственно сложными словами со словообразовательной точки зрения. Под сложными словами понимаются такие поликорневые дериваты, в которых «словообразовательный формант представляет собой 1) операцию сложения элементов производящей базы или же 2) включает, помимо сложения элементов производящей базы, также аффиксальное средство» [2, с. 5]. Соответственно, сложные слова отличаются от ложных композитов, которые представляют собой производные